

Хранитель Бездны

РУСЛАН
БЕГОВ



Аннотация

Бездна — энергетический портал, находящийся на Земле. Его природа неизвестна. Единственное применение этому явлению — использование выделяемой энергии для своих нужд и войны. Бездна — причина того, что аннаки, борейцы и другие расы облюбовали планету. Некто, познавший в полной мере секрет Бездны, создал ключ — человека, способного управлять порталом. Этот человек — основа замкнутого кольца событий, которое не первое тысячелетие пытаются разорвать колонизаторы Земли...

Руслан Бедов

ХРАНИТЕЛЬ БЕЗДНЫ

(фантастическая повесть)

«И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать...»

Книга Откровения. Библия

Пролог

(18 000 лет до нашей эры)

Он вышел на террасу. Под ногами темно-синей дымкой, не спеша разливались сумерки. Одна за одной гасли сигнальные огни посадочных платформ. Очертания этих пирамидальных циклопических строений со срезанной вершиной расплывались в сумраке наступающей ночи, издалека становясь похожими на ряды надгробий. Здесь, на задворках галактики, эта база, превратившаяся за последние годы в город, походила сейчас на заброшенный гигантский

погост великой цивилизации. Огромная пирамида энергетического ретранслятора мрачным монументом угрюмо возвышалась над долиной.

Совсем скоро все это будет уничтожено и предано забвению на ближайшие тысячелетия...

Несколько сверкающих дисков последних грузовых челноков поднялись с дальних платформ, обливая прощальным светом опустевший город.

— Абисс Кус, — знакомый голос в голове вывел из оцепенения, — время заканчивается. Корабли Аннака вот-вот начнут. Тебе следует уходить.

— Еще немного, — мысленно ответил он, — не беспокойтесь.

Связь оборвалась.

Абисс горько усмехнулся. Сколько времени прошло с тех пор, когда он в последний раз переводил это свое новое имя на русский язык? Когда он вообще в последний раз говорил или думал на русском языке?

Да, это было у самого края Бездны, когда он пытался спасти Марину...так давно, будто в ужасном сне...

Не наступившее еще прошлое, словно песок через мелкое сито времени ускользало из воспоминаний безвозвратно, и он уже давно к этому привык. Планета, которую когда-то назовут красивым именем Земля, теперь тоже уходит из его

жизни навсегда.

— Хранитель Бездны, — произнес он вслух, — таково его имя теперь, в нем его судьба и его жизнь...

Окинув взглядом уже затопленную ночью долину, Абисс вернулся к себе в опустевшую комнату. В дальнем углу тускло-фиолетовым маревом сияло облако записывающего устройства. В энергетической дымке размером с баскетбольный мяч, окутанный сетью золотистых разрядов завис черный информационный кристалл в виде небольшого диска.

Абисс подошел ближе. Здесь запечатлена его биография. Нет, не прошлая, а будущая. Описана жизнь человека, которому предстояло родиться на свет спустя двадцать тысяч лет. Таковы парадоксы бытия...

Абисс трудился над своей автобиографией долго, — благо, времени было более, чем достаточно. Сколько именно он не знал, поскольку уже мог себе позволить не наблюдать дни и годы.

Теперь работа закончена, и оставалось только добавить последний штрих, — предисловие...

...В моей прошлой жизни, в том мире, которого еще нет, я часто любил в ясную ночь выходить в открытое поле и долго смотреть на небо.

Я наблюдал за звездами, пытаюсь осознать то пространство, которое простирается между мною и ними. Осознание не приходило, как бы я ни старался. И дело тут даже не в умопомрачительных миллиардах километров. Напротив, звезды, — это бесчисленное множество небесных жемчужин, казались мне совсем близкими — только руку протяни... И чем больше я думал об этом контрасте реальности и ощущений, тем более четким становилось убеждение, что нет на самом деле никаких расстояний. Во Вселенной вообще нет разделенности.

Нет большего или маленького, не существует различия между материей и пустотой. Но все существующее — единая вселенская сущность, наделенная невообразимой творческой силой, беспредельной мудростью и умиротворяющей гармонией. То, что случилось со мной, могло случиться, или даже происходит прямо сейчас, с кем угодно еще в разных уголках Вселенной, во многих ее измерениях и на большинстве временных магистралей. Это своеобразная форма существования и развития Мироздания, неотъемлемой частью которого являюсь я и все человечество, которое существует, существовало, будет и могло бы существовать.

Глава первая

(Наше время)

Михаил Владимирович сидел в своей обычной позе со скрещенными ногами на холодном полу школьного спортзала. Я неслышно вошел и присел на колченогую скамью у стены, с интересом наблюдая за учителем.

Я посещал его занятия по йоге чуть более года, но только сейчас почему-то вдруг заметил, как он стар. Никто из его весьма немногочисленных учеников точно не знал, сколько ему лет, да и меня это как-то не особенно интересовало. Все, что я знал о Михаиле Владимировиче наверняка, так это то, что он первоклассный учитель йоги, мастер каратэ и специалист по ведической культуре. Все остальное как-то ускользало из поля моей заинтересованности.

Михаил Владимирович всегда был одет в неизменно белоснежное кимоно, перехваченное черным поясом. Наверное, это покажется странным, но я никогда не видел учителя в другой одежде — вероятно, совпадение. На груди у мастера красовался диковинный амулет в виде китайского дракона. Михаил Владимирович всегда в шутку говорил, что этот дракон достанется самому

лучшему его ученику. Во время групповых занятий каждый из нас благоговейно поглядывал на амулет. Ведь по слухам, за сорок с лишним лет, он ни разу не сменил хозяина. Неужели за все время так никто и не удостоился звания лучшего ученика? Что это: чрезмерная строгость учителя или или что-то еще? Я склонялся к другому варианту. Когда однажды спросил Михаила Владимировича об этом, он внимательно взглянул на меня, улыбнулся в седую бороду, ничего не ответив.

Так как время индивидуального занятия уже началось, а учитель продолжал медитировать, я стал делать упражнения для разминки, как обычно.

— В чем смысл твоих тренировок? — неожиданно раздался голос Михаила Владимировича.

От неожиданности я остановился и вопросительно посмотрел на учителя.

— Ты слышал мой вопрос, — сказал он.

Может быть дело было в том, что в пустом спортзале голос был гулким и отдавал эхом, но мне показалось, что Михаил Владимирович говорил непривычно сурово и даже торжественно.

Я хорошо помнил, что заставило меня сорвать листик с телефоном на доске объявлений годом раньше. Жизнь напоминала бег таракана по раскаленной сковороде. Мы разошлись с Мариной, не отметив даже трехлетнего юбилея после того,

как она потеряла ребенка, — потом все начало рушиться...

Я метался от одного края жизненной сковороды к другому в надежде достигнуть чего-то, но в итоге обнаруживал себя бегущим босиком по раскаленным углям в очередную неизвестность со все слабеющей надеждой добраться до цели, о которой не имел представления.

Тогда-то я и познакомился с Михаилом Владимировичем, учителем йоги с амулетом на шее. Теперь я понимаю, что причина некоторых улучшений в моем восприятии крылась совсем не в йоге, как мне тогда казалось. Она была лишь неким инструментом в руках умелого мастера.

Но настоящее понимание пришло намного позже. Тогда, во время последнего занятия, я пребывал в тумане щадящей неосознанности и, услышав неожиданный вопрос, подумал только о благотворном влиянии медитаций на мой организм...

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я занимаюсь с людьми только для того, чтобы у них улучшилось пищеварение, — тихо произнес Михаил Владимирович.

В тот момент появилось отчетливое ощущение, что он читает мои мысли, и они ему не нравятся.

— Тебе необходимо научиться отличать

главное от второстепенного, — продолжал учитель, — а также иметь мужество отказаться от второго в пользу первого. В противном случае твои занятия не стоят ничего. Иди и подумай об этом.

— А как же... — я хотел было возразить, но Михаил Владимирович посмотрел на меня так, что слова застряли в горле.

Я вышел из спортзала в раздевалку со смешанными чувствами. С одной стороны я понимал всю серьезность слышанного во время самого короткого за год занятия, и соглашался, что необходимо еще многое осознать. С другой стороны, Михаил Владимирович мог бы найти более благовидный способ отменить занятие. Кроме того, это был первый раз, когда встреча отменялась без предварительной договоренности. Происходящее должно было встревожить, но я списал все на старческие причуды.

Обычно сплю крепко и без снов. Но в тот вечер уснуть почему-то не получалось. Несколько раз я вставал, выходил на балкон, глотал свежий ночной воздух, и снова возвращался под одеяло. Даже порывался набрать номер Марины (в последнее время мы по очереди звонили друг другу по всяким мелочам), но было уже поздно и не хотелось вдруг услышать в трубке голос ее нового хахаля.

Что-то меня беспокоило, но я не мог понять, в

чем именно дело.

Одолевало чувство, обычно появляющееся в преддверии больших перемен или перед бедой. Как это со мной бывает в таких случаях, я снова и снова перебирал события ушедшего дня, просчитывал все возможные и даже невозможные последствия того, что произошло. Несколько раз возвращался к странному поведению Михаила Владимировича на тренировке, но ничего придумать так и не смог. Мучимый странными предчувствиями, около двух часов ночи я все-таки заснул.

Казалось, что прошло несколько секунд, как меня разбудил звонок мобильного телефона.

Я схватил трубку. Звонили с незнакомого номера.

— Вы Михаил Сафронов? — услышал я в трубке равнодушный официальный голос.

— Ну... — недовольно буркнул я.

— Вы знакомы с Гариным Михаилом Владимировичем? — спросили с того конца.

У меня ёкнуло в груди. Вся прошлая встреча с учителем в одно мгновение прошла перед глазами во всех подробностях.

— Что случилось? — напряженно спросил я.

— На Михаила Владимировича сегодня ночью совершено нападение, — также равнодушно продолжал вещать в ухо мой мобильник, — сейчас он в реанимации.

— Что с ним?

— Состояние критическое. Только несколько минут назад пришел в себя и настоятельно просил вас приехать к нему. Постоянно твердит о каком-то неотложном деле.

— Насколько все серьезно? — упавшим голосом продолжал спрашивать я.

— Вероятность летального исхода высока, — спокойно констатировали из реанимации, — сильные повреждения внутренних органов, потеря крови, ожоги...

— Еду.

Часы на стене в кухне показывали половину пятого. Поспал немного и хватит, — сказал я сам себе, натягивая джинсы в полутьме прихожей...

Он лежал настолько бледный, что его почти не было видно на фоне белоснежной постели. На растрепанной седой бороде багровые пятна и подпалины. Обычно круглое лицо, всегда излучающее не по возрасту неизменное здоровье, теперь вытянулось, глаза сидели глубоко под нависшими седыми бровями.

Михаил Владимирович лежал неподвижно, увешанный капельницами и проводами. Только воинственный блеск в глазах свидетельствовал о том, что владелец этого искалеченного тела еще жив и в сознании. Я подошел к кровати и сел на предложенный стул.

— Что случилось? — хриплым срывающимся голосом спросил я, — на вас напали бандиты?

— Случилось то, что рано или поздно должно было случиться, — неожиданно бодрым голосом ответил учитель и повернул голову в мою сторону. Только побелевшие губы свидетельствовали о том, с каким трудом Михаилу Владимировичу давался этот разговор. Я мысленно выругал его за неуместную упертость и нежелание подождать с разговорами хотя бы до завтра.

— Моя жизнь им ни к чему, — продолжил Михаил Владимирович. С каждой произнесенной фразой его голос слабел все сильнее, — мой энергетический код известен уже давно. Они меня пытали, потому что им нужен был ключ...

— Какой ключ? — не понял я.

— Талисман...

— Талисман? Они его забрали? — спросил я, — как это произошло?

Учитель поднял кисть руки с одеяла, приказывая мне замолчать. Казалось, каждое произнесенное мною слово его раздражает. Он спешил сказать что-то важное, но чувствовал, что у него мало осталось времени. Я тогда был сильно взволнован, чтобы спокойно и внимательно дослушать до конца.

— Естественно, они его не получили, потому что..., — Михаил Владимирович стал говорить

быстрее. Наверное для того, чтобы не дать мне возможность ежеминутно вставлять в разговор свои пять копеек, — потому что ключ много веков вне их досягаемости в ожидании пока придет его время. Но беда в том, что они раньше, чем я рассчитывал обнаружили хранителя. Твоя задача не допустить того, чтобы...

— Кто они такие? Охотники за раритетами? — спросил я, но мой вопрос проигнорировали.

— ...иначе мир, в котором ты его знаешь перестанет существовать. Я хочу, чтобы ты знал, — ты имеешь на это право, потому что этот ключ...

Это были последние слова учителя. Когда по моему зову в палату прибыла реанимационная бригада, Михаил Владимирович уже умер. Смысл последней фразы едва ли дошел до меня. Я не обратил на нее внимания, ведь на моих глазах умер человек...

Я не помню, как оказался в полутемном больничном коридоре. Там горела только одна лампа над обитой металлом дверью рентгеновского кабинета, отбрасывая тусклый синеватый свет на стоявшие у стены стеллажи. Тени от них ложились темными зловещими стрелами прямо под ноги.

Кто-то вывел меня из палаты и провел, объяснив, что где-то здесь выход.

Мне показалось странным, что в коридоре

никого не было. Наверное находясь под прессом пережитого, я попросту не замечал ничего вокруг.

Горло скреб тошнотворный больничных запах. С каждым вздохом кислорода становилось все меньше, и я задыхался, почувствовав облегчение только когда вырвался на шумную многолюдную улицу.

Трясущимися пальцами, наверное с третьей попытки, я вытащил сигарету из пачки и нервно втянул горьковатый дым своих когда-то любимых сигарет. Со времени встречи с учителем я почти не курил. Это было первая сигарета за год. Вид у меня в тот момент, вероятно, был совсем неважный, потому что продавщица табачного киоска, отложив свои кроссворды, с сочувствием долго смотрела на меня. Я отошел за угол, чтобы хоть как-то успокоиться и прийти в себя.

— Сафронов Михаил, если не ошибаюсь, — вежливый почти вкрадчивый голос прозвучал над самым ухом. Я вздрогнул и выронил сигарету. Повернув голову, уткнулся носом в грудь атлетически сложенного человека, который был почти на две головы выше меня. Довольно часто приходилось встречать особенно высоких людей, но этот парень, помнится, произвел на меня тогда особенное впечатление.

— Кто вы такой? — весьма неприветливо спросил я, невольно отступив на шаг, чтобы видеть

лицо собеседника. Раздражение вызвал не сколько незнакомец, сколько я сам, точнее моя неуместная демонстрация нервозности.

Незнакомец, впрочем, ничуть не смутившись моей неучтивостью, привычным движением достал из бокового кармана потертой кожанки служебное удостоверение.

— Майор Синченко, — коротко представился он, пристально глядя в глаза, от чего мне сразу сделалось не по себе, — следователь по делу о нападении на Гарина Михаила Владимировича.

— Чем могу помочь? — холодно спросил я.

— Вы последний, насколько мне известно, кто встречался с Гариным перед нападением и единственный, кого он захотел видеть перед смертью. У меня к вам будет несколько вопросов, не уделите пару минут?

Я глубоко вздохнул и опустил я стоявшую в двух шагах скамейку:

— Что вы хотите знать?

Выбравшись наружу из пустого метро, я столкнулся у выхода со своей соседкой по лестничной клетке. Увидев меня, она сделала круглые глаза, схватила за рукав и потащила обратно в переход.

— Что случилось, Марья Ивановна? — стараясь быть вежливым, спросил я.

Прижав меня к стене и упрямо не отпуская мой рукав, она стала полупшепотом тараторить, постоянно с опаской оглядываясь по сторонам.

— Выхожу я, значит, сегодня из квартиры, — на базар собиралась овощей прикупить. Глядь, а дверь то в твою квартиру полуоткрыта и кто-то внутри в пол голоса разговаривает басом. Я сперва подумала, что ты дома. Но смотрю: два высоченных лба в черных как смоль костюмах выходят. И я ж тут. Глазеют на меня, а я на них. А у самой сердце-то колотится как та куропатка в клетке. Спрашиваю, кто вы, мол, такие и что вам надо? Отвечают что из полиции, хозяина квартиры ищем. А удостоверение то и не предъявили. Смотрят только на меня обое так пристально. Глаза у них черные такие, под стать костюмам. У меня аж мурашки по спине так и забегали. Чувствовала себя как кролик перед двумя удавами этими. Говорю, не знаю, где хозяин, сама из квартиры вышла только.

— И где они теперь? — спросил я. Во мне начала закипать злость. Даже если меня в чем-то подозревают, это не повод вот так сразу врываться в мою квартиру с обыском, да еще без моего ведома!

— Не знаю, внучек, не знаю, не видела я — скороговоркой ответила соседка, — знаешь, у меня аж кишки навыворот были, сроду таких страшных то полицейских не встречала...

Дверь отделения полиции открывалась с трудом. Дежурный лейтенант долго и усердно что-то писал, пока не обратил на меня внимание.

— Могу ли я встретиться с майором Синченко, — спросил я, стараясь сдерживать раздражение.

Дежурный посмотрел в свои бумаги, потом на меня:

— С каким майором? — переспросил он.

Я по слогам произнес фамилию злополучного майора.

— Нет у нас такого, — последовал ответ.

— Хорошо, — сказал я, изо всех сил пытаюсь быть терпеливым, — мне надо увидеть следователя, который занимается нападением на Гарина Михаила Владимировича...

В следующие минут сорок я побывал в четырех кабинетах на разных этажах прежде, чем попал к нужному человеку. То, что я от него услышал заставило меня беспокоиться еще больше. Следователь внимательно, не перебивая выслушал мой рассказ, устало потер морщинистый лоб и произнес:

— Значит так. Такого майора Синченко у нас нет и никогда не было. Конечно, у нас есть к вам вопросы, поскольку вы последний встречались с потерпевшим перед нападением на него, но причин

обыскивать вашу квартиру у следствия пока нет. По факту взлома мы разберемся, — возможно, в городе орудует какая-то банда. Проверьте, что пропало, сделайте опись и оставайтесь на связи...

По дороге домой я думал о последнем разговоре с учителем. Он утверждал, что кто-то на меня начал охоту, но кто именно?

В своей квартире я был морально готов увидеть любой беспорядок после взлома, кроме того, что увидел. Квартира была в таком же виде, в каком я оставил ее сегодня утром, убегая в больницу к Михаилу Владимировичу. Деньги, драгоценности моей бывшей, которые она еще не успела забрать, техника, — все оказалось на месте нетронутым. Замок не был взломан. Когда я пришел, дверь была закрыта. Оперативники, прибывшие часом позже также не нашли ничего подозрительного. Составили протокол со слов соседки и убралась восвояси.

Если бы не предостережение учителя, я счел бы рассказ Марьи Ивановны плодом ее воображения. Но воображение соседки не объясняет странного майора Синченко...

Оказавшись в одиночестве в собственной квартире я начал осознавать, что влип в какую-то историю, по неволе стал участником чужой игры, с правилами которой меня не успели ознакомить.

Было ужасно жарко. Пот заливал глаза, ручьями лился по спине. В нос бил запах гари и серы, легкие обжигало раскаленным воздухом. Я стоял на каменном скользком уступе шириной чуть больше моих ступней, прижавшись спиной к нагретому камню отвесной скалы. Где-то там внизу клочкотал вулкан. Я его не видел, потому что боялся даже пошевелиться, не то чтобы опустить голову и посмотреть вниз. Затылок намертво был прикован страхом к скале. Напротив меня возвышалась такая же отвесная каменная стена, какая была позади. Время от времени, с каждой минутой все чаще, ярко красным фейерверком из жерла вулкана взлетали частицы раскаленной лавы. Жалкие поросли кустарника, каким-то чудом прижившегося на камне воспламенялись один за другим, исчезая в горячем мареве...

— Этот вулкан долго спал. Местные жители только из полузабытых легенд слышали, что когда-то эта невзрачная гора извергала из своего чрева раскаленную смерть. В свое время вулкан унес много жизней. Прах жителей окрестных поселений до сих покоится у подножия горы. Там, где сейчас стоят дома, возле тенистых прудов в парках играют дети, люди живут своей обыденной жизнью, лежали руины и множество обугленных тел. Смерть и запустение были единственными спутниками этой проклятой горы долгое время

прежде, чем сюда вернулась жизнь. Теперь вулкан снова проснулся.

Знакомый вкрадчивый голос заставил меня оторвать взгляд от воспламеняющихся кустов и повернуть голову. В нескольких метрах от места, где я стоял, отвесная скала отступала от края обрыва, образуя небольшую террасу. Посередине, на низком табурете сидел майор Синченко. Одетый в ту же потертую кожанку, в которой я видел его в последний раз, он с интересом, без малейших признаков страха, смотрел на бурлящую внизу лаву.

— Дайте мне руку, — прокричал я, — здесь скользко, я сейчас упаду!

Но майор даже не пошевелился. Как ни в чем не бывало, словно не замечая меня, он продолжал:

— Вы стоите здесь уже достаточно долго. Намного дольше, чем можете себе представить. Вся ваша жизнь — это балансирование на краю бездны. И тут, увидев меня, вы вдруг запаниковали...

— Прекратите болтать, помогите!

— Вы уже решили, что это я виноват в том, что вы сейчас стоите на пороге смерти, поскольку находясь, как вам кажется, в более выгодном положении, не бросаюсь вам на помощь.

— У нас с вами, вероятно, разное представление о морали, — задыхаясь то ли от гнева, то ли от наполненного пеплом воздуха

прошептал я.

— Нет. У нас с вами просто разная перспектива. Вы видите только языки пламени на фоне серой скалы напротив вас и смертельно боитесь того, что у вас под ногами. Настолько сильно боитесь, что не можете заставить себя туда взглянуть. Вы просто отказываете себе в возможности встретиться с вашим врагом лицом к лицу. Но что хуже всего, вы не воспринимаете то, что у вас под ногами и угрожает вам как врага. Оно для вас рок, судьба, которой вы можете либо покориться либо избежать на время.

— Вы здесь для того, чтобы читать мне нотации? — осознав, что разговор с майором отвлекает меня от моего положения и способность рационально мыслить вновь освобождается из цепких объятий страха. Всего несколько шагов над бездной, и я в безопасности...

— Зря вы думаете, что здесь безопаснее, чем там, где вы сейчас стоите. Если начнется извержение, нас обоих ждет смерть.

— Как же мы сюда попали? — двигая ступни к спасительной террасе.

Майор усмехнулся и встал с колченогого табурета:

— А вот это хороший вопрос, — своим обычным загадочным тоном сказал он, — у вас есть время подумать над ним. Надеюсь, вы будете

успешнее ваших предшественников.

— Откуда вы знаете, сколько времени осталось до извержения? — не отрывая спины от скалы миллиметр за миллиметром я двигался к цели.

— Потому что я создатель этой бездны, — ответил майор.

И тут впервые за все время вы встретились с ним взглядами.

На мгновение мне вдруг показалось, что я увидел в его глазах всю свою жизнь с момента рождения и до самой смерти как бы с высоты птичьего полета. Всю сразу. Увидел и забыл.

Не успел я очнуться от странного видения, как майор Синченко шагнул в скалу и исчез...

Я проснулся от того, что простынь, насквозь пропитанная моим потом неприятно липла к телу.

Выходные я провел как в бредовом ночном кошмаре. Каждый стук, каждый шорох в прихожей настораживал и будил во мне бурю страха. Звук мотора или автомобильного сигнала на улице срывал меня с дивана к окну. Возле постели, которую я не застелил наверное впервые за последние несколько месяцев стояла бейсбольная бита, когда-то подаренная друзьями ради прикола. На журнальном столике вместо любимого печенья и чая лежал большой кухонный нож.

Звонила Марина, обещала вечером прийти приготовить на неделе обед:

— Ты там на синтетической вермишели вообще желудок посадишь... — говорила она, но я ее почти не слышал. Уже давно с каким-то замиранием в сердце я при каждом разговоре улавливал в интонациях ее голоса некие нотки-намёки на примирение. Убеждал себя в том, что был дико зол на Марину, а свои ощущения объяснял исключительно плодом воображения одинокого холостяка, однако где-то на подсознании перспектива нашего воссоединения меня вдохновляла, хотя мужская гордость наотрез отказывалась воспринимать этот факт.

Но тогда, в запертой на все замки квартире с битой на перевес, мне на самом деле было не до вопросов сердечных. Услышав на лестничной клетке чьи-то шаги, я швырнул мобильник на кровать и схватился за нож...

Ворочаясь под одеялом, я представлял себе, как меня схватят неизвестные мордовороты, не успею я выйти из подъезда, отвезут за город в лес и будут методично выдирать плоскогубцами ногти до тех пор, пока не убедятся, что у меня на самом деле ничего нет, и я ничего не знаю. А потом убьют и закопают...

Понедельник, как назло, встретил меня солнечным погожим днем. Наскоро перекусив, я

вышел из квартиры и успешно миновал подъезд. Затем полу бегом добрался до маршрутки и благополучно, без разных сюжетов из криминального чтива, попал на работу.

Попасть в офис компании, где я работал постороннему человеку не так просто, поэтому, сидя за столом в рабочем кабинете, я мог немного расслабиться. Впрочем после обеда начались неожиданности, — меня вызвал начальник.

Там я увидел очень высокого худого человека с неестественно большими зелеными глазами и болезненно-желтоватым лицом.

«Корочка» государственной службы безопасности была безупречна. Во всяком случае мне так показалось.

— Геннадий Викторович хочет задать вам несколько вопросов, — тихим голосом, не здороваясь произнес мой начальник, не успел я переступить порог его кабинета, и вышел за двери.

Сотрудник службы безопасности неприлично долго и неприятно пристально смотрел на меня жутким немигающим взглядом прежде, чем сказал первое слово.

— Нам известно, что вы последний, кто разговаривал с Михаилом Владимировичем перед его смертью, — глуховатым каким-то замогильным голосом заговорил сотрудник, не мигая, глядя на меня.

— Я...

— О чем вы говорили?

— Он сказал, что его ограбили неизвестные, — ответил я, — собственно, я уже во всех подробностях описывал...

— Вы должны сейчас мне воспроизвести ваш диалог с потерпевшим, — настойчиво повторил Геннадий Викторович, — это очень важно.

— Он сказал, что у него украли его... семейную реликвию. И попросил помочь найти ее...

— Что именно у него украли?

Я пожал плечами:

— Медальон в виде китайского дракона. Он всегда носил его на тренировках...

— Что еще он сказал вам?

— Да...ничего он не сказал. Не успел.

В кабинете повисла могильная тишина. Даже кондиционер почему-то не работал.

— Вы лжете, — наконец произнес сотрудник службы безопасности.

— С чего вы взяли? — я попытался смотреть ему в глаза, но у меня не получалось.

— Вы пытаетесь скрыть всю правду о вашем разговоре с потерпевшим, поэтому я вынужден вас задержать до выяснения обстоятельств.

Я потерял дар речи. На моих запястьях звонко щелкнув, замкнулись кольца наручников. Меня

быстро провели через коридор черного хода наружу, где стояла большая черная «Тойота» с тонированными стеклами. Несколько раз я порывался возразить, протестовать, что-то объяснить, но каждый раз, как только я открывал рот, в горле возникал ком, становилось трудно дышать, и я словно рыба глотал воздух, не в силах что-либо произнести. Мощная чуждая сила сковывала мои волю, тело и даже душу, — ощущение апатии, страха и собственного бессилия превратили меня в беспомощный пассивный овощ.

Машина, пропетляв по городским улицам, выехала за город на заброшенную трассу. То ли от того что машину трясло от многочисленных ям в асфальте, то ли потому, что внешнее влияние ослабло, я пришел в себя.

Никогда не интересовался, где именно в нашем городе находится управление государственной безопасности, но в чем был уверен на все сто, что не возле заброшенной городской свалки, к которой мы приближались. Хоть я мало что мог увидеть через плотно зашторенные стекла, мерзкий запах гниющих годами отходов не позволил ошибиться. Мои стражи ехали молча, не произнеся за все время ни единого слова. Я попытался протестовать, но на меня попросту не обратили внимания.

Неожиданно авто сбавило ход. Наклонив

голову на бок, я увидел через лобовое стекло патрульную машину, обогнавшую нас. Из переднего окна полицейский жестом потребовал остановиться. Сотрудники службы безопасности молча переглянулись, но водитель притормозил на обочине прямо напротив свалки. Смерд стоял невообразимый. Я заметил, что сидевший возле меня вытащил из внутреннего кармана пиджака какой-то, похожий на толстую шариковую ручку предмет, и передал его сидевшему на переднем сиденье. Патрульный, тем временем, не спеша, вразвалочку подошел к нашей машине. В тот момент, когда сидящий за рулем потянулся к переданному ему предмету, вдруг произошло нечто, что заставило меня пережить шок от удара мощного заряда электрического тока. Я увидел, как сетка из сине-белых молний в долю секунды наполнила салон, хищно извиваясь вокруг сотрудников безопасности. Они корчились от боли, издавали странные пронзительные нечеловеческие звуки и обмякали, то ли теряя сознание, то ли погибая. Меня трясло от мощных и частых электрических разрядов пока сознание не угасало. Прямо над моим ухом кто-то громким хриплым голосом что-то крикнул на незнакомом языке...

Глава вторая

Мрачное и обеспокоенное лицо майора Синченко вынырнуло из тьмы бессознательности. Я сразу же вспомнил виденный мною странный сон и подумал, что это его продолжение, силясь вспомнить, о чем мы с ним тогда разговаривали. Но память на этот раз подвела.

Пелена стала спадать с глаз, я почувствовал свое тело, вернее, не сколько его, сколько жуткую боль, охватившую, как мне показалось, каждую клетку. Я застонал и схватился за голову.

На этот раз майор Синченко не был сном, во всяком случае, я в этом был уверен. Он стоял возле меня, заложив руки за спину и внимательно разглядывал что-то за моей спиной.

— Вы очнулись, — спокойно молвил майор и сделал странный жест над моей головой, — приношу извинение, что пришлось работать так грубо, но выбора у нас не было...

Я чувствовал как сотни маленьких иголок вонзились в мои руки. Кончиков пальцев я не чувствовал, язык прилип к гортани и не желал двигаться...

— Через несколько минут кровообращение восстановится и вы будете в порядке, — успокаивал меня полицейский. Ему принесли стул. Он подвинул его ближе ко мне и сел.

Я украдкой оглянулся. Мы находились в помещении без окон. Низкий потолок и стены были

оштукатурены на скорую руку, возле железной двери висела на проводе лампочка. За спиной Синченко стояли двое и не сводили с меня глаз. Вид у них был такой, словно они были готовы в любую секунду наброситься на меня и разорвать на части.

— С вами все в порядке? — майор с беспокойством заглянул мне в глаза.

Я действительно, как он и говорил, быстро пришел в себя, странное оцепенение покинуло мое тело. Я был не связан и не в наручниках, что не могло не радовать.

— Я так понял, что вы не из милиции, — произнес я, проверяя свою способность говорить, — язык тоже пришел в порядок.

— Вы на редкость догадливы..., — майор усмехнулся.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — я старался подбирать слова таким образом, чтобы не вызвать гнева моих пленителей, с одной стороны, — с детства не люблю, когда меня бьют, — с другой — своей показной бравурностью старался скрыть растерянность и страх, — я, похоже, превратился в некий трофей, за которым охотятся все банды страны с целью получить какие-то несметные сокровища моего покойного преподавателя по йоге.

— Теперь я в заложниках и вы меня будете

пытать, пока не получите то, что, как вы думаете, у меня имеется?

Я вопросительно взглянул на майора, затем на двух лбов, неподвижно возвышающихся за его спиной.

Майор потер лоб ладонью и снова улыбнулся виноватой улыбкой:

— Ну, в какой-то мере вы правы, — ответил он после короткого молчания, — вы — действительно своего рода трофей.

— Тогда в чем же я неправ? — я старался выглядеть злым, чтобы не казаться испуганным, но когда встретился взглядом с майором, то тут же понял, что меня каким-то образом читают словно открытую книгу и все мои ухищрения лишь бесполезное ребячество.

— Вы неправы в том, что считаете себя заложником, — сказал странный майор, — с тех пор, как погиб ваш, как вы выразились...преподаватель, сейчас вы впервые находитесь в абсолютной безопасности...

— Что же, или кто мне угрожает? — спокойный и миролюбивый тон собеседника начал меня успокаивать.

— За вами охотятся те, кто..., — майор запнулся, и несколько беспомощно посмотрел на меня, — нам нужно как можно быстрее доставить вас туда, где в вас ждут с нетерпением.

— Кто меня ждет?

Я видел, что майор хотел мне все рассказать, но каждый раз осекался.

— Я думаю... вам лучше самому все увидеть, — ответил майор, — чтобы я вам сейчас ни сказал, это...ничего для вас не прояснит.

— Так я и думал..., — саркастически бросил я, — где же все-таки, меня ждут? Как вы собираетесь меня туда доставить, если это единственное место, где я в безопасности? Или в качестве трупа я тоже схожусь?

— Поверьте, если бы вы понимали всю сложность и критичность ситуации, то вам бы, как и мне, было бы не до шуток, — спокойно произнес майор, — нам надо спешить, пока нас не засекали.

Он встал со стула, обернулся к своим «мордоворотам» и заговорил на странном незнакомом языке. Я, конечно, не спец в лингвистике, но говор показался мне очень странным, — я был уверен, что человеческая глотка не в состоянии издавать такое разнообразие различных звуков.

Мордовороты в ответ только невозмутимо молча кивали и бросали в мою сторону такие взгляды, от которых у меня печень в пятки от страха опустилась.

— Я прошу прощения, — перебил я майора, — если я не в плену, то может, в моем

присутствии вы все-таки будете говорить по-русски? Что бы тут не происходило, коль скоро я к этому имею отношение, не мешало бы меня ввести в курс дела и дать оружие. Или ваши... друзья не говорят на русском языке?

Синченко обернулся и посмотрел на меня так, словно только что увидел. Но через несколько секунд согласно покачал головой:

— Пожалуй вы правы, — задумчиво произнес он, — будет лучше, если вы будете в курсе всего, о чем идет речь...

Майор достал из внутреннего кармана своей потертой кожанки плоский серый с матовым отливом портсигар. Не открывая его, Синченко каким-то образом достал из него нечто похожее на желатиновую капсулу и протянул ее мне:

— Выпейте это, — сказал он, — и будем двигаться дальше...

— Это что, наркотик? — недоверчиво спросил я, но заметив в его глазах металлический блеск, решил больше не испытывать терпение моего то ли доброжелателя, то ли бог его знает кто он на самом деле. Поскольку воды мне никто не предложил, то пришлось глотать капсулу в сухую. Ничего особенного я не почувствовал, кроме разве что того странного факта, что понимал все, что мне говорил майор Синченко, хотя он говорил на своем странном языке. Я был настолько впечатлен

происходящим, что пропустил мимо ушей половину того, что рассказывал мне, ставший для меня еще более загадочным, майор милиции:

— ...именно по этой причине пространственная складка, в которой мы сейчас находимся нестабильна и уязвима для драков. До ближайшего транспортера сотни километров, а за нами уже объявлена охота.

— Кто именно за мной охотиться? Что им от меня нужно? — звуки незнакомого мне языка непринужденно слетали с моих губ. Я слушал себя и думал о том, что никогда иностранный язык не давался мне столь легко и быстро.

— Драки, — ответил Синченко. Он заметно нервничал и поминутно вопросительно поглядывал на своих мордovorотов, но те в ответ никак не реагировали. Наверное чудодейственная таблетка как-то подействовала на меня, потому что уже тогда я почувствовал, что они между собой общались не только с помощью слов...

— Им нужны вы, потому что в вашем энергетическом коде хранится ключ...

— Ключ от чего?

— Ключ от Бездны, — ответил майор, — я уверен, что перед своей смертью ваш тренер пытался вам все объяснить. Все это могло и не произойти, занимайся я этим не в одиночку. Если драки разыскали вас так быстро, то говорит это

только об одном, — в Совете завелись «кроты»...

Синченко запнулся, потому что вокруг начало происходить что-то странное. Я в начале подумал, что у меня кружится голова, — стены расплывались, искажаясь как в кривом зеркале и меняя цвет. Так продолжалось несколько секунд. Я помотал головой, — глюк пропал. Но по выражению лица Синченко я понял, что он видел то же, что и я. В его глубоко посаженных глазах вспыхнула тревога, он резко повернулся и вопросительно посмотрел на два «шкафа», продолжавших все это время стоять позади него. Видимо, получив бессловесный ответ, он обратился ко мне:

— Еще пару минут и наш тайник засекут. У них тут хорошо дело поставлено.

— И что мы будем делать? — спросил я, все еще подозревая в случившемся выпитую мною таблетку.

— У моих помощников все готово, — быстро ответил майор.

Он сделал несколько странных жестов у меня над головой и стал что-то напряженно рассматривать над моей макушкой.

Я хотел спросить, что он делает, но в горле стал ком, во рту пересохло, язык словно увеличился в размерах и стал совершенно неподвижным. Я не мог выдать из себя ни единого звука.

Мне не потребовалось много времени понять, что я нахожусь под гипнотическим влиянием. Этот таинственный майор, не смотря на свою кажущуюся мягкость, может полностью завладеть моей волей и моим телом, если ему это нужно. Промежуток времени, через который ко мне поступали плохие новости стремительно сокращался. Стены это странной комнатки, в которой приходилось тесниться с тремя неизвестными людьми, рассказывающими невероятные вещи, начали мне давить на голову и мне захотелось сорваться с места и сбежать. Если бы это, конечно, было возможно...

— Не переживайте вы так, — произнес майор, не отрываясь от своих таинственных манипуляций над моей головой, — я не собираюсь вас контролировать постоянно. Просто сейчас мне катастрофически не хватает времени на разговоры, а вам нужных навыков. Поэтому постарайтесь мне довериться. Так мне будет легче работать. Если мы с вами прорвемся, вы все непременно узнаете... готово!

— Что готово? — позволил я себе задать вопрос, но ответа не получил.

Глава третья

Только когда мы вошли в комфортабельный

вагон столичного экспресса и упали в удобные кресла, — я позволил себе расслабиться. Заверения майора Синченко, что благодаря маскировке меня даже «мать родная не узнает» не очень успокоили, главным образом потому, что я не мог себе представить, как, не используя грим и другие шпионские штуки можно остаться неузнаваемым.

— Да успокойтесь вы, — впервые добродушно обратился ко мне майор, когда вагон тронулся с места, — эта маскировка предназначена для того, чтобы скрываться от драков, про обыкновенных людей и говорить не приходится. Вот, к примеру, мы с вами сейчас говорим о маскировке, но для окружающих ведем простую беседу на бытовые темы...

— Что-то вроде гипноза? — попробовал я догадаться.

— Ну... не совсем так...

— Кто такие драки?

— Они населяют с три десятка планет в разных звездных системах...

— Я так и знал, что без пришельцев здесь не обошлось, — буркнул я себе под нос. Мне тут же вспомнился эмоциональный рассказ соседки о тех, кто обыскивал мою квартиру.

— ...несколько поколений их лидеров не оставляют попыток захватить Саруал...

— Что такое Саруал? — не понял я.

— Так называли Землю ее жители, жившие здесь много тысяч лет назад...

— Предположим, вы, майор, не фантазер и не клиент городской психушки, — снова перебил я своего собеседника, — тогда объясните мне пожалуйста, зачем каким-то дракам понадобилась наша старушка-Земля?

— Знаете что, — наконец, потерял терпение Синченко, — давайте я вложу всю интересующую вас информацию вам прямо в сознание. У вас как раз будет несколько часов пока мы доедем до места, чтобы все переварить. Я, знаете ли, не привык так много... разговаривать.

— Эй, эй, — запротестовал я, — если вы снова собираетесь меня гипнотизировать, то я против! Ваши немногословные друзья не хотят выпить по чашечке кофе? Я бы не отказался. Как насчет вас?

В ответ майор понимающе улыбнулся и мы направились к небольшому бару в конце вагона.

— Они не хотят кофе, — с ухмылкой произнес майор, когда я спросил о его неотлучных спутниках, оставшихся сидеть на своих местах, — они вообще ничего не хотят, кроме того, что от них требуются...

— Эти люди — ваша личная охрана? — сдержанно негодуя спросил я, — они что не едят и не пьют при исполнении?

— Они не люди, — ответил майор, и прежде чем я успел удивиться, к нам подсел молодой человек в деловом костюме и обратился ко мне:

— Когда этот человек говорит вам, что вы в безопасности, не верьте ему. Скорее всего все наоборот, — улыбаясь, кивнул он в сторону майора.

Синченко удивленно взглянул на говорившего. В какой-то момент времени, как я успел заметить, он был готов броситься на него. Краем глаза я заметил, как наши друзья-мордovorоты как один встали с кресел, но потом снова сели как ни в чем не бывало.

Майор Синченко поставил стакан с кофе на стойку и сдержанно улыбнулся в ответ. Я не мог не заметить, что встреча эта для него была не только неожиданна. Ощущение опасности снова витало вокруг нас, и я, как и раньше, не знал, откуда конкретно ждать неприятностей. Состояние слепого котенка, которого таскают за шкурку из одного места в другое меня уже не сколько пугало, сколько начинало злить.

— Я надеюсь, ты пришел не для того, чтобы сдать нас патрулю Коалиции, — тихо произнес майор.

Но новый персонаж, не обращая внимания на майора, продолжал говорить со мной:

— В свои дневниках вы описывали его именно таким.

— В моих дневниках? — не понял я.

— Он вам еще не рассказал кто вы? — с этими словами незнакомец вопросительно взглянул на майора Синченко. Тот скептически закатил глаза и чтобы скрыть напряжение снова взял стакан со своим «эспрессо».

— Чего ты так боишься? — спросил незнакомец, обращаясь к нему, — твоя система защиты, практически, безупречна...

— Как же ты нас нашел? — спросил майор, — и что тебе надо?

Незнакомец, снисходительно усмехнулся, уселся между мною и майором и подал мне руку для рукопожатия.

— Если бы вы знали, что ваши «Дневники» будут читать сотни миллиардов человек в нескольких галактиках, уверен, вы вели бы себя сейчас по-другому, — раздавали бы автографы, требовали гонорары... Неужели он вам так ничего до сих пор не объяснил?

— Времени у нас нет, — подал голос майор.

Я видел только его глаза над макушкой незнакомца. Они ничего не выражали. Мне подумалось, что он мало чем отличается от тех двух своих спутников, которые, по его словам «не люди».

— Ладно, — неожиданно резко сказал незнакомец, — мне пора. Желаю вам успешно

завершить начатое.

Он встал и в упор посмотрел на меня:

— В ваших дневниках ничего нет обо мне. Надеюсь, когда все закончится вы сделаете честь и упомяните все-таки меня в вашем труде, а?

Не дождавшись ответа, незнакомец скрылся за дверью тамбура.

— Мы выходим на ближайшей станции, — совершенно спокойно произнес майор.

— Вы же сказали, что нам ехать еще несколько часов? — изумился я.

— Планы меняются.

— Что случилось?

— Транспортер заблокирован, и теперь ловят всех, кто им пользуется, — ответил майор Синченко, — а в наши планы не входит отсидка в застенках за незаконные перемещения во времени...

— Это Коалиция...драков? — я пытался собирать информацию по крупицам.

— Нет. Речь идет о Коалиции Миров. Ее патрули контролируют развитие человеческой цивилизации на планете. Вернее невмешательство других Миров в это развитие.

— О том, что этот ваш транспортер нашли...

— Да, он передал мне это телепатически.

— Что будем делать?

— Учить вас медитировать, — коротко

ответил майор Синченко.

Он выбросил пустой стаканчик в урну и пошел к нашим местам.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Глава четвертая

Абисс медленно, смотря под ноги, спускался по высоким крутым ступенькам к подножию холма, на вершине которого находилось его жилище. Здесь он прожил последние несколько лет. Эти приземистые домики с плоской крышей, сложенные из твердой вулканической породы, были построены где-то полвека назад в качестве мест для отдыха за долго до того, как стало понятно, что катастрофа неизбежна и руководство колонией столкнулось с проблемой эвакуации технического персонала с острова...

Темно-серая вата туч закрывала бледный лик луны и ставшие появляться мерцающие звезды. Темнело быстро, привычного ночного освещения уже не было, и Абисс едва видел следующую ступеньку. Он знал, что стоит ему только споткнуться или потерять равновесие, и ему грозит смерть или увечье.

Абисс мог бы попросить, чтобы его телепортировали на корабль прямо из его дома, но

решил в последний раз пройтись давно полюбившимися улочками и тенистыми парками, погруженными теперь во мрак надвигающегося небытия. Будто предчувствуя беду, кузнечики как-то особенно надрывно стрекотали в высокой, выцветшей на солнце траве, словно убеждая неумолимую судьбу отменить вынесенный приговор...

В паре сотен метров от подножия холма еще оставался рабочий телепорт. Абисс неторопливо шагал по дорожке, прислушиваясь к хрусту гравия под подошвами и подставляя лицо теплему ветру. Когда в конце аллеи вынырнуло из мрака белое пятно телепорта, Абисс остановился, почувствовав, что не один. Странно, — в этой части покинутого города уже никого не должно быть. Никого, кроме...

Телепорт представлял собой каменную плиту из белого мрамора, стоящую на высоком ступенчатом подиуме. Абисс присел на самую нижнюю ступеньку и стал ждать. Наверное, прошло меньше минуты, прежде чем густой кустарник ожил и между ветками появилось круглое смуглое детское лицо. Длинные черные вьющиеся волосы запутались в ветках. Большие глубоко посаженные глаза вопрошающе и не мигая смотрели на Абисса.

Абисс понимал, что ему следует торопиться, но появление этой девочки выбило его из колеи.

— Что ты здесь делаешь? Я же вчера вам говорил, что нужно уходить!

Девочка лет тринадцати выбралась из зарослей и вплотную подошла к Абиссу:

— Мама сказала, что если боги разгневались и решили уничтожить наш мир, значит так тому и быть. Никуда она убежать не будет.

— Но почему?! — Абисс почувствовал, как холодок ужаса пробежал у него по спине, — почему вы не ушли вместе со всеми? У вас же было время!

— Как бы далеко мы не убежали, кара богов все равно настигнет нас...

— Вы должны бороться за свою жизнь!

Абисс схватил девочку за худощавые плечи и встряхнул, но ребенок продолжал не отрываясь и не моргая смотреть на него.

— Мама сказала, что боги могущественны, и мы бессильны против них, и это правда, — она говорила так, словно и не слышала криков Абисса, — но и у нас есть кое-что...

— Что же у вас есть?

Абисс обессиленно опустился на ступени и уронил голову в ладони.

— У нас есть достоинство и смелость взглянуть своей судьбе в глаза.

— Где твоя мать? — спросил Абисс, стараясь прикинуть, сколько у него осталось времени.

— Она в своей хижине, — ответила

девочка, — ждет конца.

— Почему твоя мама не ушла?! — Абисс начал злиться.

Не обращая более внимания на девочку Абисс вскочил на ноги и, словно дикий хищник в вольере, стал метаться по поляне.

— Абисс, время вышло, — прозвучало у него в голове.

Абисс опомнился и постарался взять себя в руки. Преодолевая волнение, он ответил:

— Надо перенастроить телепорт с корабля на другой приемник на планете.

— Что ты еще задумал? — в голосе слышался металл. Абисс понимал, что в сложившихся обстоятельствах его просьба мягко говоря не уместна, но отступить не собирался.

— В селениях близ города еще остались люди, — скороговоркой пояснил Абисс, — их нужно эвакуировать!

В ответ молчание.

— Все работающие телепорты на планете не принадлежат нам, Абисс, — снова прозвучало в голове, — у нас нет возможности к ним подключиться. Но это не главная проблема.

— Что же еще? — с нетерпением спросил Абисс.

— Энергии в телепорте на базе только на переход одного человека, — последовал ответ, —

тебе следует уходить. Не медли, все ждут только тебя!

— Я остаюсь! — слова вырвались неожиданно даже для самого Абисса.

— Кого ты сможешь спасти без средств связи и телепортации?! Не только аборигенов не спасешь, но и сам погибнешь! Не сходи с ума, у этих людей своя судьба, у нас своя. Каждая минута промедления на орбите чревата для нас столкновением. Возвращайся на корабль пока не поздно. Мы начинаем операцию...

Абисс не дослушал и усилием воли прервал телепатический сеанс. Он слышал, что кричал голос у него в голове, но взглянув в большие черные глаза девочки, стоявшей, словно призрак в тени каменной стелы телепорта, Абисс услышал внутри другой голос. Он звучал намного тише скрипучей речи аннака, но был гораздо убедительнее, — это был его собственный, голос человека.

Прервав контакт, Абисс двумя скачками поднялся к стеле и вынул из телепорта светящийся сиреневый стержень с пульсирующими оранжевыми прожилками, — блок питания, — и вернулся к девочке.

Она молча следила за действиями Абисса, никак не проявляя нетерпения. Только ее едва дрогнувший голос, выдавал тщательно скрываемое волнение:

— Что ты будешь делать? — спросила она.

Абисс остановился и взглянул на нее. Колючий блеск звезд наконец прорвал блокаду из облаков, и свет от осколка луны упал на поляну перед потухшим телепортом, вырывая из темноты детские черты лица.

Как ее имя? Кажется, Сарибба. Мать ее, Милесту, Абисс впервые увидел примерно месяц назад, когда она, нарушив табу своего племени, рискуя жизнью, пришла к дальнему блок посту, неся на руках изможденное тело своей дочери. Женщина клала ее перед собой на землю, ставала на колени и, не отрываясь, смотрела на невозмутимо шагающих взад вперед охранников-андроидов, которые не обращали на нее никакого внимания. По словам других аннаков, Милеста появлялась с первыми лучами утреннего солнца и уходила, когда темнело.

— Что с ее дочерью? — спросил я аннака, наблюдавшего за андроидами.

В ответ тот только поднял плечо. Это означало, что он не знает, и ему все равно.

Абисс поджал губы и спустился со сторожевой вышки к женщине.

— Это твоя дочь? — спросил он.

Женщина перевела на него потухший взгляд:

— Вождь сказал, что боги наказали мою дочь за то, что она осмелилась вторгнуться в их

владения, — тихо произнесла она, — я пришла просить о помиловании. Если желают возмездия, они могут забрать мою жизнь.

Абисс тяжело сглотнул. Он присел на корточки и осмотрел девочку. Она тяжело с хрипами дышала, лихорадка сжигала последние ростки жизни в ее теле.

Абисс знал, что именно он хотел сделать, но не был уверен, что у него это получится.

— Абисс, что вы делаете?! — громогласно прозвучало в голове.

— Хочу помочь этой несчастной девочке, — ответил Абисс.

— Вы отдаете себе отчет в том, что если эта женщина уйдет отсюда со здоровым ребенком, завтра здесь будет многотысячная толпа желающих чудодейственного исцеления?

— Что в этом плохого?

— Мы не в состоянии решить все проблемы аборигенов, — последовал ответ, — у нас есть проблемы по-важнее...

— Что может быть важнее жизни человека?

— Абисс, мы можем потерять планету...

— Я вылечу эту девочку и запрещу появляться здесь аборигенам, — отрезал Абисс.

— Если кто-нибудь из них приблизится к нашим позициям, то будет тут же уничтожен андроидами. Их смерть будет на твоей совести,

Абисс.

Абисс взял истощенное детское тельце и понес в город. Женщина осталась стоять у входа на коленях, с надеждой глядя ему в спину...

Глава пятая

Мы вышли на железнодорожной платформе с названием, ничего мне не говорившем. В километре от нас виднелись крыши домов. Населенный пункт, судя по всему, имел единственную улицу, располагавшуюся вдоль шоссе. Солнце опускалось за лесопосадку, когда мы нашли пустую дорогу. Мимо с грохотом проехал «Камаз». Майор Синченко внимательно посмотрел на него и отвернулся.

— Что мы сейчас делаем? — раздраженно спросил я, — ждем рейсовый автобус?

— Мы ждем подходящее авто, — задумчиво ответил майор, напряженно всматриваясь в горизонт, за которым пряталось извивавшееся дорожное полотно.

— Кто возьмет четырех мужиков себе в машину? — ухмыльнувшись произнес я, — может ты действительно с другой планеты, но у нас тут на Земле...

— Тот, чья машина нам подойдет лучше всего, — произнес майор.

Я фыркнул, но ничего не сказал. На шоссе появилась одинокое авто. Поскольку к этому времени уже стемнело окончательно, в начале сложно было разглядеть приближающийся автомобиль, — слепило фарами, но майору, как оказалось, все было нипочем.

— Микроавтобус нам подойдет, — оживленно сказал он, едва только увидел свет от фар.

— Если он остановится...

Это был действительно микроавтобус на восемь человек, и авто действительно аккуратно остановилось на пыльной обочине, хотя ни майор, ни его киборги, не говоря уже про меня, и не думали голосовать.

Из автобуса вышел человек лет пятидесяти в джинсах и белой футболке. Даже не взглянув на нас, он пересек дорогу и зашагал в глубь кукурузного поля, не поворачивая головы, смотря прямо перед собой. Я начал догадываться о сути происходящего и неодобрительно покосился на майора:

— Методы у вас, однако, батенька...

Но Синченко меня уже не слушал. Он осмотрел довольно обшарпанный микроавтобус и уселся на заднем сиденье.

— Советую вам отдохнуть, — небрежно кинул он мне, — путь предстоит долгий и работы у нас много.

Киборги молча уселись на передние сиденья.

— Вы доверите роботам управлять машиной? — с недоверием спросил я.

— А кому, как не им управлять этими штуками? — с улыбкой ответил майор, ударив кулаком по сиденью.

— А если остановят?

Я уселся рядом с майором и захлопнул раздвижную дверку.

— Да не переживайте вы так, — в своей манере ответил Синченко, — разве еще не поняли, как у нас решаются подобные проблемы?!

— Да понял, понял. Это меня и пугает... — буркнул я, чувствуя, как автобус плавно набирает скорость, — кто их учил водить?

— Сами научились, — майор устроился поудобнее на сиденье и закрыл глаза.

Я с завистью посмотрел на него и, откинув спинку кресла, постарался расслабиться. Хоть как-то осознать происходящее я даже не пытался. Любая попытка осмысления новой реальности, ворвавшейся в мою доселе довольно серую и никому не интересную жизнь, казалась мне выше психических возможностей. Я был уверен, что моя психика и так находилась на пределе, и я вот-вот сойду с ума, если это уже не произошло. Уж больно взбесившаяся реальность вокруг меня походила на галлюцинацию, навязчивый бред...

Я наверное, все-таки заснул. И, вероятно, в тот самый миг кому-то понадобилось меня разбудить. Я нехотя поднял веки. Майор энергично тряс меня за плечо и почему-то широко улыбался:

— Хорош спать, уважаемый, — своим обычным загадочным полупшепотом сказал он, — у нас привал. Здесь я вам оставил немного еды, поешьте, пройдитесь, разомните ноги. Впереди еще долгая дорога.

Я хотел послать его ко всем чертям, поскольку чувствовал себя обессиленным. Но упоминание о еде вдруг вызвало в желудке неприятное ощущение. Я вспомнил, что уже давно не ел.

Кряхтя, я вылез из автобуса и огляделся.

Аккуратная асфальтированная дорога плавными зигзагами вилась среди бескрайнего поля подсолнечника, покрытого глубоким словно океанская пучина и чистым небом. Нигде, куда мог дотянуться взор, я так и не увидел ни лесопосадки, ни электрического столба. Ярко-желтые подсолнухи, похожие на по-детски любопытные глаза с большими черными зрачками спелых семечек, с наивной открытостью и немым вопросом смотрели на плывущее в небесном океане солнце. Я набрал полные легкие этого божественного благоухания и зажмурился от удовольствия, словно кот после хорошего обеда...

— Представляешь, сколько можно собрать

семечек с этого поля?

Я вздрогнул, услышав голос. Морозное дуновение продрало спину, как будто спускаешься по утыканной гвоздями горке. Не по моей воле моя голова повернулась на окаменевшей шее, — рядом стоял Михаил Владимирович с таким же блаженным выражением лица, какое было у меня секунду назад. Он выглядел так, как я привык его видеть до смерти: босиком, безупречное белое кимоно, неизменный китайский дракон на груди, густая седая борода, в которой пряталась улыбка человека, таящего в себе намного больше, чем можно увидеть.

— Когда я был совсем маленьким, лет эдак пять или семь, на краю моей деревни тоже росло такое же бесконечное поле влюбленных в небо подсолнухов. Оно, конечно, было относительно небольшим, но мне казалось бесконечным. Я любил гулять среди зеленых мохнатых стеблей, воображая, что нахожусь в лесу из сказок, которые читала мне мама перед сном.

Учитель усмехнулся и, удобно усевшись на поросшую пыреем обочину в тени стены подсолнухов, продолжал говорить, разглядывая замысловатый рисунок из трещин на разгоряченном асфальте.

Я не смел оторвать от Михаила Владимировича взгляда. Наверное, даже не дышал,

пока слушал его. Воздух вокруг стал вязким и плотным настолько, что тяжело было повернуться и сделать шаг. Я стоял на дороге возле машины и не мог сдвинуться с места.

— Однажды я решил пройти через это поле подсолнухов от одного конца до другого. Шел долго, во всяком случае, мне так казалось. Когда казалось, что за следующим рядом стеблей появится просвет и мое путешествие закончится, просвет все не появлялся. За ближним рядом словно нарочно вырастал следующий ряд, а за ним следующий, и так до бесконечности...

— Я точно знаю, что вы умерли, — наконец, набравшись храбрости, произнес, я, оглядываясь вокруг в поисках майора и его молчаливых телохранителей, но их не было видно.

— Знание относительно, дражайший... — ответил учитель, — поле подсолнухов, которое, как я знал, будучи сопливым мальчуганом, что оно было бескрайним, показалось мне не таким уж и большим, когда я взглянул на него в зрелом возрасте.

Я молчал. Оцепенение отпустило меня, и я смог двигаться. Мне было страшно, но я пытался не обращать на это внимания. Я никогда не встречался с мертвым. Стараясь выглядеть непринужденно, я присел на траву рядом с Михаилом Владимировичем, пытаюсь определить насколько он

реален. От него пахло также, когда я знал его живым, — каким-то тонким восточным ароматом.

— Размер поля всегда был одинаков, — ответил я, чувствуя, что от меня требуется ответ, — восприятие поменялось с возрастом.

Учитель рассмеялся, хлопнул обеими ладонями по коленям и выпрямился. Он всегда так делал, когда хотел объяснить своим ученикам нечто, чего они не понимали.

— Ты, кажется, проголодался, — неожиданно будничным голосом сказал Михаил Владимирович, — вот бутерброды. Бери.

Я опустил глаза. Передо мной на расстеленной газетке лежало несколько аппетитного вида бутербродов с маслом и вареной колбасой. Не смотря на то, что я еще несколько мгновений назад умирал от голода, сейчас мне совсем не хотелось есть. Непонятное гнетущее чувство противной тошнотой поселилось на место желудка. Хотелось сорваться и утопиться в этом море счастливого подсолнечника...

— Дерево совершенно не только тогда, когда достигло зрелости и увенчалось шикарной кроной, — говорил Михаил Владимирович, — оно обладает абсолютным совершенством еще будучи желудем, невзрачным ростком, который жаждет поглотить скоро сохнувший сорняк. Его совершенство заложено в нем до его появления.

Под требовательным взглядом учителя я все-таки взял в руки бутерброд.

— К чему вы это говорите? — спросил я, перемалывая зубами пищу. Ощущение надвигающегося «нечто» вполне оформилось в моем сознании. Я понимал, что мне оставалось только встретить его, взглянуть ему в глаза, услышать его, почувствовать... А пока истекали последние секунды тишины, я старался понять.

— К тому, что мое восприятие маленького поля подсолнухов было таким же совершенным в детстве, каким оно стало позже. Ведь мир одинаково бесконечен, когда ты муравей и когда гигантский динозавр, просто бесконечность эта воспринимается на разных уровнях, хотя это ни в коей мере не значит, что один уровень в чем-то ущербнее другого.

С этими словами Михаил Владимирович снял с себя китайского дракона и вложил в мою запачканную сливочным маслом ладонь.

— Почему вы мне его отдаете? — запротестовал я, пытаюсь вернуть подарок. Амулет будто-бы стал раскаленным и нестерпимо пек кожу.

— Когда будешь готов одень его, бесконечность Вселенной покорится тебе...

Я открыл глаза в тот момент, когда почувствовал боль. Наш микроавтобус летел по пустому ночному шоссе среди бескрайнего поля, то

и дело подскакивая с грохотом на колдобинах. Салон заливал ослепительный свет галогенных фар автомобиля, ехавшего за нами. Нас преследовали. Я потерял шишку на лбу.

— Я говорил, что просто так отнять машину на дороге — не самая лучшая идея...

Майор Синченко невозмутимо колдовал над каким-то, похожим на рыболовный спиннинг предметом, не обращая на меня внимания.

— Это полиция? — пытался я пробить стену невозмутимости моего спутника, — я думал мы замаскированы...

— Мы замаскированы, — невозмутимо ответил он, — и если нас преследуют, значит это драки.

— У нас есть возможность оторваться? — я начал беспокоиться. Не исключено, что драки по аналогии с этим фейковым майором также охотятся за мной, чтобы защитить от кого-то или съесть, или разобрать на запчасти в поисках чего-то там...

Я не любил неопределенности, поэтому всем сердцем хотел, чтобы у моего невозмутимого покровителя получилось все, чем бы он сейчас не занимался. Подмывало обсудить странный сон с майором, поскольку мне почему-то казалось, что Синченко сможет прояснить для меня его значение, но тому явно было не до этого.

— Я могу сдерживать их некоторое время,

пока они тоже замаскированы, — ответил майор, — они сейчас пытаются взять под контроль моих андроидов. Когда у них не получится, пойдут вход другие методы.

Машину тряхнуло на очередной дорожной яме, и я уже ушибленным местом снова ударился о крышу кузова.

— Надо что-то решать, майор, — раздраженно буркнул я, щурясь от нестерпимо яркого света фар преследователей, — при такой езде даже у немецкой машины колеса отвалятся. У вас же есть в рукаве способ оторваться от них?

Я в упор посмотрел на согнутую спину майора, который не отрываясь крутил в руках свой «спиннинг».

— Я не смогу их остановить, — буднично ответил Синченко, — энергия на исходе. Контрабанда подвела...

Преследователи стали обгонять наш автобус и теснить его к обочине.

— Что вы несете, майор?! — почти завопил я, — вы заварили всю эту кашу, чтобы вот так просто сдатьсь?!

Синченко наконец выпрямился и с чувством удовлетворения взглянул на чертову удочку. Мне хотелось выхватить ее у него из рук и выкинуть в окно.

— Эту кашу заварил не я, а вы, — спокойно

произнес он, — сейчас важно другое...

Меня кинуло в сторону. Майор не пошевелился, хотя удар пришелся как раз в ту часть кузова, где сидел он. Похоже, для того, чтобы добиться своего, этим ребятам не обязательно превращаться в галактических монстров.

— Ладно, у нас есть несколько минут, — сказал майор и внимательно посмотрел на меня, — вы видите странные сны, в которых разговариваете с разными людьми. Правильно?

Я открыл рот, глядя во все глаза на майора, но так ничего не произнес, только молча кивнул. Наше авто снова тряхнуло. Киборгам надо было отдать должное — они неплохо справлялись с управлением.

— Как вы наверное могли догадаться, это не просто сны...

— Не знаю, — я старался перекричать визг покрышек по асфальту, — это вы у нас сновидец. Сны конечно странные...

— Посредством снов с вами пытается наладить контакт Бездна, — совершенно не обращая внимания на мой сарказм скороговоркой и с выражением почти бесконечного терпения на лице, объяснял майор, — у меня нет сейчас времени разбираться в символах, поскольку настала пора нам расстаться. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы...